

Когда его в последний раз нашли солдаты вражеской армии, их командир подумал, что раз в этом богатом доме остался такой ребёнок, он, должно быть, очень дорог, и, возможно, за него можно будет получить выкуп. Поэтому ему оставили жизнь.

Ли Цяо воспользовался хаосом во время марша и сбежал от вражеских солдат, но по пути его схватили работорговцы. У них был целый караван, и они уже давно потеряли всякую человечность, кормя его травой и корой деревьев, а затем спокойно обсуждали, как отрубить ему руки и ноги, чтобы отправить его попрошайничать.

Ли Цяо, заметив у работорговцев огниво, ночью перегрыз верёвки и украл его. В ту же ночь он поджёг весь лагерь, и пламя охватило всё вокруг. Выжившие работорговцы, ненавидя его до глубины души, кричали, что, если поймают, снимут с него кожу и сделают из неё фонарь.

Ли Цяо был почти в отчаянии, но всё же пробежал несколько миль по горной тропе, пока не истёк кровью и не упал от изнеможения. Именно тогда, когда его вот-вот должны были догнать, перед ним появился его старший брат-ученик, словно бог, спустившийся с небес.

А ещё был тот случай, когда он упал с высоты в тысячи футов, и его тело было разбито, но он пролежал на дне ущелья несколько недель, питаясь росой и соком духовной лозы...

Ли Цяо слишком часто оказывался на грани жизни и смерти, чтобы тратить время на жалобы. Он привык сначала решать проблему, а уже потом разбираться с остальным.

— О чём ты думаешь? — вдруг раздался знакомый прохладный голос, и Ли Цяо вспомнил, что всё ещё находится в комнате отдыха.

— ...Ни о чём, — ответил он, отвлекаясь. — Просто думал, когда навестить бабушку.

— Послезавтра второе объявление рейтинга, через день — задание в Чанша, оно продлится три дня, можно поехать в первый или третий день, — сказал Шэнь Фэн. — Я поеду с тобой.

В комнате отдыха витал холодный, приятный аромат, и, почувствовав его приближение, Ли Цяо понял, что Шэнь Фэн подошёл ближе. Он оперся руками на деревянный стол, подавив странное волнение, и сказал:

— Видеозвонок закончен, я ухожу. Если с бабушкой что-то случится, можешь звонить.

Он повернулся, чтобы уйти, но его запястье неожиданно схватили.

Шэнь Фэн слегка наклонил голову, его глаза, казалось, были бездонными, а в свете лампы они блестели:

— А если не с бабушкой, можно звонить?

Ли Цяо замер.

Система завизжала:

— Вот он, началось!!

Ли Цяо, смущённый её криками, шлёпнул её по голове, отвлекаясь от романтических мыслей, и сказал:

— Я не понимаю, о чём ты. Мы же... расстались?

У него были чайные глаза с округлыми веками, мягкими, но с лёгкой хитринкой, которые легко могли выглядеть невинно.

Шэнь Фэн даже вспомнил, как впервые увидел Ли Цяо: мальчик поднял на него такие же глаза, круглые и влажные, как у зверька, но с острым умом, словно он одновременно просил о жалости и готовился бросить в него камень.

Именно тогда ему стало интересно, и он забрал мальчика в свою школу. На самом деле он не испытывал особой жалости, просто хотел посмотреть, во что вырастет этот ребёнок, поэтому поначалу относился к нему как к младшему брату, без каких-либо романтических намёков.

Но когда мальчик вырос, он понял, что сам себя загнал в ловушку...

Ли Цяо, почувствовав, что хватка на его запястье ослабла, не стал ждать ответа Шэнь Фэна, высвободил руку и быстро покинул комнату отдыха.

Только пройдя довольно далеко, он остановился в тёмном коридоре, чтобы перевести дыхание. Дотронувшись до запястья, он почувствовал, что на нём всё ещё осталось тепло, которое никак не хотело уходить.

*

Ли Цяо немного пришёл в себя в темноте, а затем вышел из офисного здания и направился в общежитие для участников.

На выходе он столкнулся с Чжао Цзэюй.

Чжао Цзэюй шёл в гнев, но, увидев Ли Цяо, остановился и внимательно оглядел его:

— Что ты здесь делаешь?

Ли Цяо не стал утруждать себя ответом, сделав вид, что не слышит, и продолжил идти.

— Режиссёр Чэн и другие сегодня в павильоне, в здании только заместитель режиссёра Се, ты к нему? — Чжао Цзэюй, которого редко игнорировали, разозлился ещё больше и не стал отпускать Ли Цяо, догнав его и потребовав:

— Ответь честно, я поднимусь и спрошу заместителя режиссёра, и всё узнаю!

— Какое твоё дело? — Ли Цяо засунул руки в карманы куртки, ловко уклонившись от руки Чжао Цзэюй.

Чжао Цзэюй тяжело дышал, он был в крайнем раздражении последние дни: он поссорился с Е Юйгэ и думал, что тот быстро сдастся и вернётся к нему, но прошло уже два дня, а Е Юйгэ спокойно ест и спит, даже не взглянув на него, хотя они оба живут в общежитии класса А.

Если бы это было только личное разочарование, а в карьере всё шло бы хорошо, он бы ещё смирился, но его рейтинг популярности упал до четвёртого места, а его уход во время второго выступления вызвал много споров. Даже влияние семьи Чжао в проекте, как он чувствовал, становилось всё слабее: многие из тех, кого он подкупил, перестали выполнять его приказы, его одежду перестали стирать, а еду из кафе не приносили, и жизнь стала невыносимой!

Когда он начал выяснять, оказалось, что многие из этих сотрудников перешли на сторону семей Му и Шэнь. Семейю Му он ещё мог понять — они наконец нашли своего любимца и готовы носить его на руках; но Шэнь Фэн, наставник, зачем ему подкупать сотрудников? Ему мало целого этажа, выделенного для него в проекте?

Таким образом, заместитель режиссёра Се, хоть и потерял влияние, оставался одной из немногих опор Чжао Цзэюй в проекте. И, как спонсор, он знал, что Се тоже был человеком, который ценил только деньги.

Поэтому, увидев Ли Цяо, выходящего из офисного здания, Чжао Цзэюй сразу заподозрил, что Се перевернулся на сторону врага. Его слова «я поднимусь и всё узнаю» были блефом — семья Ли тоже была богатой, и, хотя раньше они не вмешивались, кто знает, может, они сейчас передумали.

Чжао Цзэюй понимал, что если даже Се перейдёт на сторону Ли Цяо, который сейчас на подъёме, то он сам скоро останется совсем один.

Ли Цяо, не предоставляя никакой информации и грубо отвечая, только усилил подозрения Чжао Цзэюй. Он сделал шаг вперёд, чтобы продолжить допрос, но, опустив взгляд, вдруг заметил то, на что раньше не обращал внимания.

Волосы Ли Цяо были растрёпаны — он притворялся парой с Шэнь Фэном во время видеозвонка

и не привёл себя в порядок.

Воротник свитера был расстёгнут — он сам его расстегнул и не застегнул до конца.

От него сильно пахло холодным древесным ароматом — это был парфюм, который рекламировал Шэнь Фэн, его фирменный запах, который когда-то раскупали в магазинах роскоши.

Кто сказал, что Ли Цяо пришёл в офис только к заместителю режиссёра? Весь этот этаж был занят комнатой отдыха Шэнь Фэна!

Чжао Цзэюй почувствовал, как в его голове всё прояснилось, и он вдруг понял всё. Он выпрямился, поправил воротник и, натянуто улыбнувшись, сказал:

— Ах, вот как, прости, я действительно ошибся.

Ли Цяо, казалось, уже знал, что он скажет дальше, и с лёгкой усмешкой ответил:

— Да?

— Оказывается, ты не искал себе слуг, а сам пошёл спать с наставником, — Чжао Цзэюй приблизился к нему, его лицо исказилось от злобы. — Прости за ошибку. Ну как, легко ли было забраться на кровать Шэнь Фэна? Удобно ли сидеть на месте, полученном через постель?

Ли Цяо не показал ни малейшего гнева, наоборот, его губы изогнулись в ленивой улыбке.

— Если для тебя выполнить поручение — значит стать слугой, то даже в феодальном обществе не было таких, как ты.

<http://bllate.org/book/15409/1362469>